

Егор Морган

Пока стоим



Егор Морган

Пока стоим

«Автор»

2026

Морган Е.

Пока стоим / Е. Морган — «Автор», 2026

Он ушёл на войну, потому что не мог иначе. Мать, оставшаяся дома, верит, что сын на северной вахте — сварщиком. Но его вахта проходит под пулями. Его отряд — пёстрая компания из восьми человек, каждый со своей болью и правдой. Бывший учитель, огромный кузнец, циничный ветеран, испуганный мальчишка — все они становятся семьёй. А он — их командиром. И когда враг подходит вплотную, а связь с командованием обрывается, Александру предстоит доказать, что главное сражение идёт не за флаг, а за тех, кто рядом. Пока они стоят — они непобедимы.

© Морган Е., 2026

© Автор, 2026

Егор Морган

Пока стоим

Глава 1. Клетка

За минуту до будильника он открыл глаза. Старая привычка, вьёвшаяся в позвоночник ещё с училища: хочешь жить — вставай сам. Иначе звонок ударит под дых.

Будильник зазвонил. Выключил.

Сел на кровати. Стена напротив была серой и пустой, как экран выключенного телевизора. В голове — такой же серый гул, ровный, без мыслей. Просто шум усталости, накопившейся за месяцы.

Душ. Горячая вода барабанила по плечам, но тепло уходило сразу, как только перекрывал кран. Оделся в темноте, на ощупь: джинсы, футболка, свитер с протёртыми локтями. Всё старое, но чистое.

На кухне зажёг конфорку, поставил турку. Кофе пил стоя, глядя в тёмное окно. За стеклом ничего не происходило — город ещё спал. Этот час принадлежал только ему. Единственный час, когда он никому ничего не был должен.

Телефон звякнул. Сиделка: «Ночью спала, утром кашляла. Давление в норме». Написал «спасибо», перевёл деньги за смену. Остаток на карте сжался до трёхзначной цифры. Он не стал вглядываться. Просто цифры. У него было три работы, и каждая приносила ровно столько, чтобы не думать о завтра. Думать о завтра было роскошью.

Первая работа — склад. Семь утра. Он вскрывал коробки, пересчитывал товар, подписывал накладные. Руки делали всё сами: вскрыть, сверить, бросить в телегу, следующая. Запах картона и пыли вьёлся в одежду намертво. Иногда ему казалось, что глаза у него закрыты уже месяц. Что он спит с открытыми глазами и видит один и тот же сон — бесконечный конвейер из коробок.

Вторая — доставка. В полдень садился в старый фургон и ехал по одному и тому же маршруту. Светофор, яма у хлебозавода, долгий прогон мимо серых панелек. Адреса менялись, маршрут оставался прежним. Чужие подъезды пахли кошками и сыростью. Люди открывали двери, брали пакеты, ставили подписи в планшете и исчезали. Через минуту он уже не помнил их лиц.

Третья — ночная мойка. Вода, пена, гул пылесосов. Здесь было легче всего. Никто не лез с разговорами, все хотели домой. Он тоже хотел, но дом — это место, где он снова становился сыном. А быть сыном было больнее всего.

В тот день пришлось заехать в больницу — отвезти анализы. Врач долго смотрел в бумаги, потом поверх очков — на него.

— Нужен ещё один курс. Препараты дорогие, но альтернативы нет. Сумма будет существенной.

— Сколько?

Врач назвал цифру. Он кивнул, не торгуясь. Записал на листке, сложил в карман. Вышел в коридор, пропахший хлоркой и лекарствами. Мимо шли медсёстры, катили каталку, кто-то плакал в ординаторской. Он ничего не слышал. В ушах стояла цифра.

До вечера оставалась доставка. Он отработал на автомате — загрузил, развёз, получил подписи. Мысли крутились вокруг одного: где взять деньги? Ещё один кредит не дадут. Продать нечего. Работать больше некуда — он и так спал по четыре часа в сутки.

Вечером, возвращаясь с последней точки, он ехал в автобусе. Эти полчаса были хуже всего. Работа заглушала мысли — они просто не успевали пробиться сквозь усталость. Но в дороге, когда он сидел, прижавшись виском к холодному стеклу, тишина внутри начинала трескаться.

Сначала лезли обрывки: голос врача, сумма на чеке, усталое лицо сиделки. Потом — она. Мать.

Не та, что сейчас, с пожелтевшим лицом и дрожащими руками. Другая — молодая, быстрая, с полными руками. Вот она режет хлеб — нож так и мелькает. Вот поправляет ему воротник перед школой, и пальцы у неё тёплые, пахнут тестом. Вот они едут куда-то вдвоём — в поезде или в автобусе, он уже не помнил, — и за окном плывут леса, поля, полустанки с забытыми названиями. Её голос звучал в голове так отчётливо, будто она сидела рядом. Только слов было не разобрать — одна интонация. Тёплая, живая.

Автобус тряхнуло.

Он открыл глаза. Напротив сидела женщина с мальчиком лет пяти. Пацан привалился к материнскому плечу и что-то тихо спрашивал, тыкая пальцем в окно. Она наклонялась, отвечала, поправляла ему шапку. Её рука лежала на его плече — просто, спокойно, как будто так было всегда и будет всегда.

Он отвернулся к стеклу.

В горле встал ком. Отражение в тёмном окне показывало чужое лицо — заострившееся, с тёмными провалами под глазами. Он смотрел и не узнавал себя. Когда он в последний раз вот так сидел с матерью? Просто глазел в окно и разговаривал ни о чём? Когда в последний раз слышал её настоящий голос — не хриплый, не слабый, а тот, прежний?

Автобус качнуло на повороте. Женщина с ребёнком вышла. Он остался один в пустом салоне.

Дома пахло лекарствами. Сиделка дремала в кресле — разбудил, поблагодарил, отпустил. Снял ботинки, повесил куртку. Подошёл к двери в мамину комнату.

— Не спишь?

— Не сплю. Заходи.

Она лежала на высоких подушках. Лицо осунувшееся, с желтизной, но глаза ясные. Он сел рядом, взял её руку — сухую, лёгкую, почти невесомую. Держал осторожно, как птенца.

— Как ты? — спросила она.

— Хорошо, мам. Всё хорошо.

— Устал?

— Немного.

Она закрыла глаза. Ресницы дрогнули и замерли. Он сидел долго — час, может, больше, — слушая её дыхание. Внутри медленно, неотвратимо затягивался узел. Тот самый, который не развязать ни деньгами, ни словами.

Утром он шёл через дворы к фургону — короткий путь мимо ржавых гаражей и облезлых стен с выцветшими граффити. На бетонном столбе белел листок.

«Служба по контракту».

Ноги остановились сами.

Он стоял и смотрел на буквы. В голове сделалось тихо — так тихо, как не было уже много лет. Весь вчерашний шум, все обрывки фраз, цифр, страхов — всё схлынуло разом, как вода из раковины. Осталась только ясность. Чистая, холодная, как родниковая вода.

Перед глазами встало лицо той женщины в автобусе. И лицо матери. И почему-то — давно забытый строй: плечо к плечу, чёткий шаг, чувство локтя. Училище. Юность. Время, когда всё было просто и ясно.

Он понял сразу, в одну секунду, как будто кто-то повернул выключатель в тёмной комнате. Деньги на лечение — да, важны. Но глубже, под деньгами, лежало другое. Идёт война. А он сидит на трёх работах, как крот в норе, и даже не знает. Пропустил. Проморгал. Закопался в своих накладных и пломбах, пока другие...

Стыд обжёг коротко и отрезвляюще. И тут же отпустил — вытесненный ясностью.

Телефон сам лёг в ладонь. Палец набрал номер.

Гудок. Второй. Третий.

— Алло.

— Я по объявлению. Служба по контракту. Куда подойти?

Глава 2. Легенда

Трубка ответила не сразу. Сначала — длинные гудки, потом щелчок, и мужской голос, сухой, деловой:

— Пункт отбора. Слушаю.

Александр назвал. Сказал, что по объявлению, что хочет подписать контракт. На том конце помолчали — видимо, сверялись с каким-то списком, — потом продиктовали адрес и время. Завтра, к девяти утра. С собой взять паспорт, военный билет, если есть. Если нет — не страшно, разберутся.

— До завтра, — сказал голос и отключился.

Он опустил телефон и ещё с минуту стоял у столба, глядя на белый листок. Буквы уже не имели значения. Важно было другое: решение принято. Обратного пути нет. И от этого — странное дело — дышалось легче, чем все последние месяцы. Будто он долго тащил на спине мешок с камнями, а теперь сбросил его на землю. Ещё ничего не сделано. Ещё ничего не началось. Но внутри уже звенела чистая, холодная уверенность: он идёт туда, куда должен.

Остаток дня прошёл как в тумане. Он доразвёз оставшиеся адреса, отработал доставку на автомате. Руки делали привычную работу, а голова была занята другим. Он прокручивал в уме разговор с матерью — самый трудный разговор из всех, что ему предстояли. Не с военкомом, не с инструктором, не с врачами. С ней.

Как сказать?

Правду — нельзя. Она не отпустит. Вернее, отпустит, но будет каждый день умирать от страха. Ей нужен покой. Ей нужна уверенность, что сын в безопасности. Значит, придётся соврать.

Он ненавидел ложь. Мать учила его с детства: «Врать стыдно, сынок. Правда всегда выходит наружу, и тогда стыдно вдвойне». Но сейчас правда могла её убить быстрее болезни. Поэтому он выберет ложь. И будет жить с этим.

Вечером он заехал в больницу — в последний раз перед отъездом. Врач, тот самый, с седыми висками, сидел в ординаторской и пил чай. Увидев его, отставил кружку.

— Я достану деньги, — сказал Александр. — Через месяц-два. Начните курс сейчас, я заплачу позже. Обещаю.

Врач посмотрел на него долгим взглядом. Он многое повидал за свою практику — и отчаяние, и ложь, и чудеса. Но сейчас перед ним стоял человек, который не просил и не торговался. Он просто говорил, как есть.

— Хорошо, — сказал врач. — Я договарюсь с заведующим. Но учти: если денег не будет через два месяца, курс прервут.

— Будут.

Врач кивнул и записал что-то в карте. Александр вышел в коридор. Запах хлорки ударил в нос. Он постоял, привыкая, и пошёл к выходу. На душе было странно: тревога смешивалась с облегчением. Он сделал первый шаг. Теперь — второй.

Домой вернулся раньше обычного. Мать удивилась, но не спросила — только проводила его взглядом от двери до кухни. Он чувствовал этот взгляд спиной. Материнский взгляд — он тяжелее любого рентгена.

Сел напротив неё за кухонный стол. Взял её руки в свои. Ладони были сухие, лёгкие, с синими жилками под тонкой кожей. Совсем не те, что в детстве, когда они казались ему самыми сильными руками на свете.

— Mam, я тут подумал. Помнишь, я говорил про лечение? Ну, что деньги нужны.

Она насторожилась. Глаза сузились.

— Ну?

— Я на работу завербовался. Сварщиком. На север. Вахта.

Она молчала. Смотрела на него и молчала. Он продолжал — спокойно, буднично, как будто речь шла о поездке на дачу:

— На три месяца. Может, на полгода. Деньги хорошие, платят сразу. На лечение хватит, ещё и останется. Я договорился с врачом — он начнёт курс сейчас, а я заплачу, как приеду.

— Сварщиком, — повторила она тихо.

— Да. Там всему учат. Это несложно.

Она отняла руки. Сложила на коленях. Посмотрела в окно, за которым уже сгущались сумерки.

— А ты хоть знаешь, что это такое — сварка? — спросила она. — Это ж искры, огонь, глаза можно выжечь, если без щитка.

— Нас учат. Там техника безопасности, всё как положено. Не волнуйся.

— Не волнуйся, — повторила она с горькой усмешкой. — Ты мне уже три года это говоришь. «Не волнуйся, мам, я справлюсь». «Не волнуйся, мам, всё хорошо». А сам худой, как вешалка, и глаза красные.

— Это от пыли. На складе пыльно.

— Врёшь ты всё.

Он замолчал. Она тоже. Тишина висела в кухне долго, почти минуту. Потом мать вздохнула и сказала:

— Ладно. Езжай. Работа есть работа. Не сахар, конечно, но деньги нам нужны, что уж греха таить. — Она подняла на него глаза. — Только звони. Чаше. Хотя бы раз в неделю. Договорились?

— Договорились.

— И одевайся теплее. Север — он и есть север. У меня шарф есть, шерстяной. Сейчас принесу.

Она встала, опираясь о стол, вышла в комнату. Вернулась с серым шерстяным шарфом в руках — старым, но аккуратно свёрнутым, пахнущим лавандой. Протянула ему.

— Держи. Я его давно связала. Тебе.

Александр взял шарф. Шерсть была мягкая, тёплая.

— Спасибо, мам.

— Носи. Не теряй.

Он кивнул. Она села обратно, но есть не стала — смотрела, как он доедает ужин. И в этом взгляде было всё: и страх, и любовь, и что-то ещё, чему он не мог подобрать названия.

— Есть хочешь? — спросила она вдруг.

— Я же ем.

— Это не еда. Это суп из позавчера. Давай я тебе нормальное приготовлю.

— Мам, не надо. Поздно уже.

— Завтра приготовлю, — сказала она упрямо. — Пирогов напеку. В дорогу.

Он хотел сказать «не надо», но промолчал. Пирог — это её способ благословить. Единственный, который у неё остался.

Утро отъезда выдалось холодным и ясным. Солнце только вставало, золотило верхушки панелек. Александр собрал рюкзак. Вещей набралось немного: пара футболок, свитер, старые армейские ботинки. Он достал их из коробки, где они пылились со времён училища, осмотрел. Кожа потрескалась, но подошва держала. Хорошие ботинки. Верные.

Мать стояла в дверях комнаты, кутаясь в старый халат. В руках — ничего. Шарф она отдала ещё вчера, и теперь он был обмотан вокруг шеи сына. Она посмотрела на него — на этот серый шарф, на старую куртку, на рюкзак у ног — и вдруг часто заморгала.

— Пирог не забудь, — сказала она глухо. — В боковом кармане.

— Не забуду.

Он подошёл, обнял её. Она прижалась к нему — сильно, крепко, насколько хватало её слабых рук. И вдруг замерла, уткнувшись лицом в колючую шерсть старого шарфа.

— Сынок, — тихо, в самую ткань. — Ты это... осторожней там.

— Всё будет хорошо, мам.

Она отстранилась. Глянула на него снизу вверх — долго, пристально. Так смотрят, когда хотят запомнить лицо. В глазах ни слезинки. Держалась. Ради него.

— Ну, иди. А то опоздаешь.

Он кивнул, подхватил рюкзак, вышел. Дверь закрылась за спиной мягко, почти беззвучно. И только на лестнице он понял: мать так и не заплакала при нём. Вся её тревога, вся её боль осталась там, за дверью. Она не позволила себе выплеснуть её наружу, чтобы не делать ему тяжелее.

Он шёл по пустой утренней улице и думал о том, сколько сил нужно человеку, чтобы вот так — молча, без слёз, с одним только шарфом в руках — отпустить сына туда, куда он рвётся. И пусть она не знала правды. Пусть верила в легенду про вахту и сварку. Её материнское сердце чувствовало: эта дорога — не просто на заработки. Но она не стала расспрашивать. Потому что иногда любовь — это умение не задавать вопросов, на которые не хочешь знать ответа.

Пункт отбора находился на окраине города — бывшая воинская часть, обнесённая бетонным забором. У ворот уже стояло несколько человек с рюкзаками и сумками. Кто-то курил, кто-то молча смотрел под ноги. Александр подошёл, встал в общую очередь. Он не искал собеседников и не отводил глаз. Просто ждал.

Оформление заняло несколько часов. Медкомиссия — врачи смотрели бегло, ставили галочки в картах. Психолог — пожилая женщина в очках, которая задала пару вопросов и, видимо, осталась довольна ответами. Потом — подписание контракта. Казённый стол, казённая бумага, казённые фразы: «ознакомлен», «согласен», «обязуюсь». Он прочитал всё, что было написано мелким шрифтом, и поставил подпись. Рука не дрогнула.

К вечеру их погрузили в автобус и повезли на вокзал. Поезд ждал у платформы — длинный состав с обшарпанными вагонами. Пахло мазутом, горячим чаем и дорогой.

В купе он оказался не один. Напротив сидел парень — совсем молодой, белобрысый, с цыплячьей шеей и слишком серьёзными глазами. Он явно нервничал: ёрзал, крутил головой, поправлял рюкзак, хотя тот и так стоял ровно.

— Привет, — сказал парень, когда поезд тронулся. — Я Женька.

— Александр.

— А ты по контракту или как?

— По контракту.

— И я, — Женька оживился. — А специальность какая?

— Стрелок.

— Круто. А я вот... просто так. Дома не сиделось.

Александр посмотрел на него. Вспомнил себя в семнадцать — такого же зелёного, такого же дерзкого, так же хотелось казаться старше. Он не стал расспрашивать, что значит «дома не сиделось». У каждого свои причины. Своя правда. Своя ложь.

За окномплыли леса, поля, полустанки с забытыми названиями. Поезд стучал колёсами — мерно, убаюкивающе. Александр смотрел в стекло и чувствовал, как внутри что-то медленно расправляется. Не радость, не страх — просто ощущение правильности. Он долго жил не своей жизнью. Теперь всё вставало на места.

Женька ещё что-то говорил — про город, про то, как проходил медкомиссию, про какого-то смешного врача. Александр слушал вполуха. Ему нравился этот парень — открытый, живой,

ещё не битый. Такие, как он, приходят на войну с горящими глазами. Их задача — чтобы глаза не потухли.

К ночи Женька уснул, свернувшись калачиком на своей полке. Александр ещё долго сидел, глядя в темноту за окном. Думал о матери. О том, как она сейчас одна в пустой квартире. О том, как сидит в кресле с вязанием и смотрит на телефон. Ждёт звонка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.